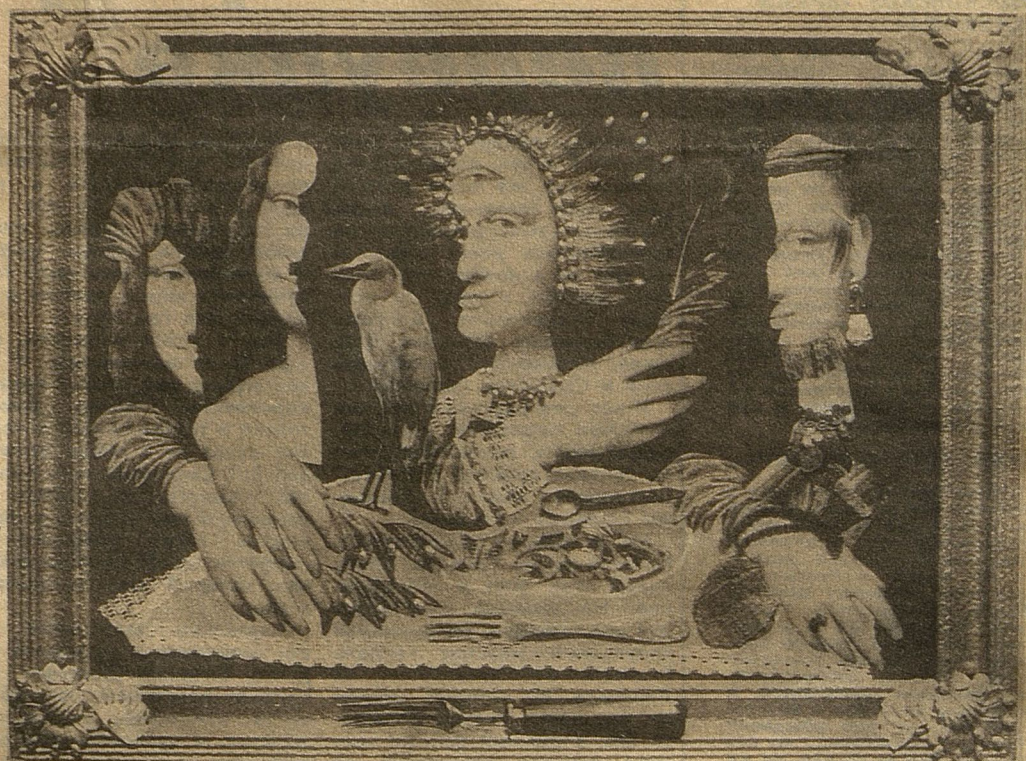

бульваре проходит выставка работ всемирно известного режиссера Сергея Параджанова «Вся жизнь — коллаж».

Уверены, — побывавшие там скажут спасибо двум энтузиастам, создателям ереванского музея С. Параджанова: фотографу Завену Саркисяну и искусствоведу Карэну Микаэлян. А они в свою очередь благодарны тем, кто помог показать эту, известную уже за рубежом коллекцию в Москве: Министерству культуры России, киностудии «Патмос», Фотоцентру и художникам, представившим свои работы на благотворительную выставку-продажу (на 2-м этаже Фотоцентра). Ведь деньги от продажи этих картин пойдут на издание альбома-монографии о Сергее Параджанове.

Разноцветное солнце судьбы

Один раз я разговаривал с Сергеем Параджановым. Точнее, говорил один я, как прощавшийся школьник, запинаясь и путаясь. Я хорошо понимал, что со своими иностранными речами обращаюсь к гению, к художнику, во многом определившему искусство второй половины нашего столетия. О чем именно я говорил? Да важно ли это! Что-то об эстетике интерьера в кино. А он, молча кивая, смотрел на меня из разукрашенной витражом полутьмы. Потом появилось много людей. Они что-то шумно говорили на смеси английского, русского и армянского, размахивали руками. Параджанов ушел, пригласив на прощание: будете в Тбилиси...

И в памяти потом его лицо возникало как готический, потемневший и глубокий витраж. Бездонные глаза, проседевшая борода, цветные пятна света на знаменитом лице, будто только что вылепленном самим Господом.

Такова была вся его жизнь, состоящая из непохожих друг на друга драгоценных стеклышек. Из красных, цвета спелого граната и крови. Из зеленого, как весенняя Араратская долина в его родной Армении. Из синего, как горы в Грузии, тоже родной. Из белого, как яблоневые цветы на Украине, где он снимал и где многие тоже считали его родным. Из грязно-серого, под цвет тюремных бараков, где он отбывал заключение. Из янтарного,

в тон редчайшему коньяку, только что привезенному из Парижа и переданному ему в зону легендарной Лилей Брик. Из прозрачности целлулоидной пленки. Из многоцветной ткани, той самой, из которой сам себе сочинял одежду. Из его ярких картин и коллажей.

Одно соединялось с другим. Прирастало, очень точно подходя по цвету и по форме, образуя нечто, совершенное по стилю. И все это — становилось жизнью Сергея Параджанова.

Чем контрастнее цвета — тем сильнее эффект солнечного луча, проникающего сквозь стеклышки, тем живописней колорит, тем драматичней композиция. Черное — белое. Свет —

тьма. Жизнь — смерть. ...А вот изможденный болезнью художник после приступа, едва не ставшего последним. Это была еще не смерть, но уже почти смерть. Художник пьет вино и обедается пахлавой. Ему нельзя, при диабете это губительно. Но это — юг, солнце, сладости, темперамент. И это не почти жизнь. А жизнь.

Его всегда окружали люди с разноцветными душами. Молодыми и старыми. Завистливыми и преданными. Темными и светлыми. Он принимал в свой витраж всех. Иногда бывал по-детски обидчив и капризен. Всегда — широк и щедр. Я не слышал и не читал воспоминаний о нем, где говорилось бы о его замкнутости и одиночестве. Но ведь было же что-то, что заставило почти 30 лет назад Андрея Тарковского написать ему: «Как странно, что для того, чтобы любить и беречь друг друга, мы обычно ждем невероятных катаклизмов, которые как бы позволяют нам это».

Каким цветом обозначить травлю, тюремные сроки, это исконное наше замалчивание и посмертное возвеличивание?..

Я так никогда и не был у Параджанова. Более того, наверно, я уже никогда не побываю в Тбилиси. Но все же, все мы люди одной страны, в которой — равно в России, на Украине, в Грузии, в Армении — истинно, что «нет пророка в своем отечестве».

И еще один витражный луч. Он сверкает в жемчужной нити, повешенной на крест. Повешенной рукою Сергея Параджанова на могиле Андрея Тарковского.

С. Б.

● Коллажи Сергея Параджанова: «Из серии «Метаморфозы Джоконды», «Оплакивание кинорежиссера», «Автопортрет».

